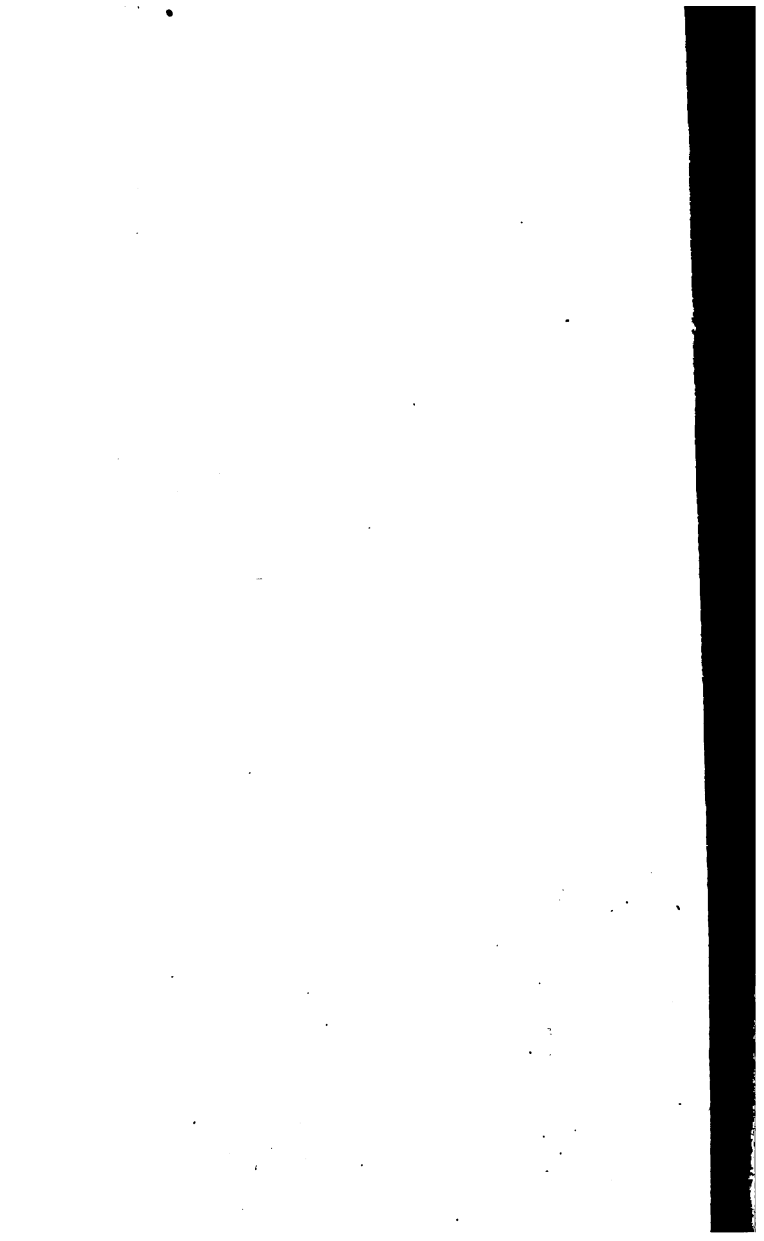

ИМПЕРАТОРЪ.

Ebers

ИМПЕРАТОРЪ

Imperator

РОМАНЪ

ГЕОРГА ЭБЕРСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЦКАГО

М. Г. МИНУТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обух. м., д. № 93.

1881.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 февраля 1881 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Четырнадцать лѣтъ моей жизни посвятилъ я на разработываніе матерьяловъ предлагаемаго романа, желая изобразить въ постепенномъ порядкѣ исторію владычества Римлянъ въ Египтѣ; я съ увлеченіемъ предавался этому занятію, но научные труды мои не мало тормозили мое творчество, и когда моя поэтическая работа не на шутку завлекала меня, мнѣ приходилось бросать ее и обращаться къ другимъ болѣе жизненнымъ вопросамъ.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось времена Адріана выбрать основаніемъ моего послѣдняго разсказа, а позднѣйшую исторію эпохи волненія анахоретовъ, я долженъ былъ выпустить въ свѣтъ гораздо ранѣе.

Съ окончаніемъ этого романа исполнилось мое завѣтное желаніе соединить во едино важнѣйшіе моменты изъ исторіи Египта; изученію этой исторіи я посвятилъ почти двадцать пять лѣтъ моей жизни. Блестящій вѣкъ Фараоновъ я попытался изобразить

въ моемъ романѣ „Уарда“, владычество Персовъ въ Египтѣ — въ романѣ „Дочь египетскаго царя“, эпоху вліянія Грековъ — въ „Сестрахъ“, время владычества Римлянъ и начало христіанства — въ романѣ „Императоръ“, и наконецъ увлеченіе идеями анахоретовъ въ Египтѣ и смежныхъ съ нимъ земляхъ — въ романѣ „Ното sum“. Всѣ эти романы знакомятъ моихъ читателей не только съ исторіей культуры Египта, но въ тоже время даютъ возможность усвоить и понять особенно важные выводы, добытые при изученіи древняго міра.

Не могу судить, насколько мнѣ удалось осуществить желаніе представить въ живыхъ образахъ, но точно и правдиво, интересную и поучительную исторію Египта!

Зная, что впечатлѣніе, производимое рассказомъ, зависитъ отъ степени воспріимчивости читателя, я старался точнѣе описывать всѣ событія отдаленныхъ и полузабытыхъ временъ; такимъ образомъ при воспроизведеніи далекаго прошлаго, гдѣ добытые научной матеріалы оказывались недостаточно разработанными, мнѣ приходилось слѣдовать исключительно внушенію фантазіи, и такъ освѣщать факты, что поэтъ всецѣло заступалъ мѣсто историка. Создавая этотъ романъ, я давалъ волю своему воображенію лишь на столько, чтобы не перейти границъ правди-

вості въ изображеніи исторіи той эпохи; эта непрестанная забота о правдоподобности повѣствованія, откровенно говоря, сильно стѣсняла меня и сдерживала порывы моей творческой фантазіи, тѣмъ не менѣе я нахожу нужнымъ заявить, что правда повѣствовательная разнится отъ правды исторической, ибо послѣдняя не зависитъ отъ субъективности историка, другая же вполне подчинена силѣ фантазіи художника.

Къ роману «Императоръ», какъ и къ двумъ моимъ послѣднимъ романамъ, я не приложилъ примѣчаній, дабы не отвлекать читателя; желающіе разъясненій, могутъ обратиться къ специальнымъ научнымъ трудамъ по исторіи Египта.

Ничто такъ не поощряло моего стремленія къ новымъ поэтическимъ твореніямъ, какъ сознаніе, что моимъ рассказамъ съ научной подкладкой, явятся послѣдователи, чьи имена будутъ съ уваженіемъ произноситься египтологами.

Каждый, изучавшій исторію Египта временъ Адріана, узнаетъ по легкому намеку какимъ писателемъ, какими надписями, какими историческими памятниками я руководствовался; большинству же моихъ читателей я не хотѣлъ омрачать удовольствіе чисто научными замѣтками. Я буду вполне вознагражденъ, если мой романъ заслужитъ вниманіе какъ

истинно художественное произведение, а такое сужденіе можетъ поставить его внѣ суда науки, да и къ тому же научныя знанія, сообщаемыя путемъ романа, должны быть переданы далеко не сухимъ, диктаторскимъ тономъ.

Знатоки исторіи Александріи подъ владычествомъ Рима удивятся, что я умолчалъ о терапевтахъ; я было посвятилъ имъ отдѣльную главу, но послѣднія изслѣдованія Люке вынудили меня оставить это намѣреніе.

Я посвятилъ годы на изученіе возникновенія христіанства въ Египтѣ, и это въ значительной степени облегчило мою задачу, а именно, сопоставить блестящее внѣшними эффектами царствованіе Адріана съ чистымъ ученіемъ Христа внѣ всякихъ людскихъ страстей и увлеченій, съ чистой и теплой вѣрой Спасителя.

Рядомъ съ торжествомъ истинной вѣры, я выставилъ и благодѣтельные плоды вліянія греческаго искусства, облагороженнаго впоследствии могучими идеальными образцами христіанства. При Адріанѣ искусство нашло себѣ талантливыхъ выразителей, что доказывается многочисленными бюстами любимца Императора, красавца Антиноя.

Герой романа императоръ Адріанъ; я окружилъ его ореоломъ романтизма, такъ какъ всѣ историче-

скія данныя убѣдили меня, что такой романтизмъ былъ присущъ ему. Труднѣйшей задачей для меня было создать живой образъ одного изъ величайшихъ Римскихъ властителей, Императора Адріана, изъ массы противурѣчивыхъ свѣденій объ немъ, притомъ такихъ, въ истинѣ которыхъ я не смѣлъ сомнѣваться.

Много и долго обдумывалъ я изложеніе предлагаемаго романа, но лишь только я приступилъ къ дѣлу, духъ творчества осянилъ меня и облегчилъ мою поэтическую работу. Самое искреннее мое желаніе, чтобы мой слабый трудъ нашелъ доступъ въ сердца моихъ читателей.

Георгъ Эберсъ.

Лейпцигъ, 2 ноября 1880 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Было первое декабря 129 года по Рожд. Христ. Солнце уже поднялось, но едва виднѣлось за бѣловатымъ туманомъ, разстилавшимся надъ моремъ. Было холодно.

Казій. гора средней величины, возвышается на косѣ между южной Палестиной и Египтомъ, съ сѣвера омывается моремъ, въ которомъ отражались лучи солнца и вода сверкала бирюзой въ тихую погоду; иногда мрачныя, темно-синія волны, медленно катясь и переливаясь, казались сѣро-зеленаго цвѣта, какъ пыльная трава на склонѣ волкана.

Сѣверо-восточный вѣтеръ поднялся еще съ восходомъ солнца и теперь становился все сильнѣе; бѣлая дымка тумана висѣла только надъ поверхностью волнъ, которыя хотя сильно, но глухо ударялись о подножіе горы и рябили мелкою зыбью, какъ расплавленныя свинцовыя пули. Но когда чайка задѣвала крыломъ воду, надъ которой носились стаи этихъ птицъ, вода пѣнилась и разсыпалась мелкими брызгами.

Три странника медленно спускались съ горы по дорогѣ въ долину; старшій изъ нихъ шелъ немного впереди своихъ товарищей, любовался моремъ, чайками, небомъ и пустынною, лежащею предъ нимъ, равниной. Вдругъ они остановились. Открывшаяся имъ картина очаровала ихъ взоры, старшій изъ путниковъ слегка покачалъ наклоненной головой. Узкая тропинка тянулась къ западу по косѣ, вдающейся въ море такъ далеко, какъ только могъ видѣть глазъ. По берегу тянулся караванъ. Верблюды, мягко ступая, тихо шли по дорогѣ. Всадники въ бѣлыхъ бурнусахъ казалось спали, а погонщики дремали. При ихъ приближеніи сѣрые орлы на краю дороги даже не пошевелились.

Налѣво отъ равнины, гдѣ идетъ дорога изъ Сиріи въ Египетъ, лежало мутное море, сливающееся съ сѣрыми облаками; лѣвѣе, въ пустынѣ, виднѣлись мѣста еще живописнѣе, къ востоку и западу не было границъ красотамъ: снѣжныя равнины, стоячая вода, мѣстами же ясныя, какъ серебро, озера.

Старшій путешественникъ постоянно смотрѣлъ то на небо, то вдаль; второй, повидимому рабъ, несъ на своихъ широкихъ плечахъ одѣяла и плащи не отрывая глазъ отъ своего повелителя; третій, развязный юноша, утомленно и сонно смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Тропинка, спускавшаяся съ вершины го-

ры къ берегу, пересѣкалась въ этомъ мѣстѣ широкой дорогой, ведущей къ великолѣпному храму, на нее-то повернулъ странникъ съ бородой; но пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился, склонилъ голову на бокъ, прошепталъ себѣ подъ носъ какія-то непонятныя слова, потомъ скорыми шагами вернулся на узкую тропинку и пошелъ обратно къ долигѣ.

Его молодой спутникъ слѣдовалъ за нимъ не поднимая головы, безъ всякаго оживленія, какъ тѣнь. Но рабъ поднялъ коротко остриженную бѣлокурую голову и по его лицу скользнула улыбка, когда онъ увидѣлъ на краю дороги хорошенькаго чернаго барашка и рядомъ съ нимъ старую пастушihu, которая при ихъ приближеніи боязливо закрыла чернымъ покрываломъ морщинистое лицо.

„Вотъ что“, прошепталъ рабъ, кланяясь черно-волосой дѣвушкѣ, которая присѣла на корточкахъ у ногъ старухи. Но дѣвочка не замѣтила этого присутствія, она какъ прикованная слѣдила за странниками, особенно за молодымъ. Какъ только всѣ три путника отошли на столько, что не могли слышать ея голоса, дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ, тихо спросила:

— Бабушка, кто это?

Старуха откинула покрывало съ лица, махнула рукой внучкѣ и не менѣе боязливо прошептала:

— Это онъ!

— Императоръ?

Вмѣсто отвѣта, старуха кивнула головой; молодая дѣвушка снова вытянула голову, чтобы посмотреть на нихъ, потомъ прижалась къ старухѣ и съ страстнымъ любопытствомъ спросила:

— Молодой-то?

— Дура! Первый, съ сѣдой бородой.

— Тотъ? я думала молодой-то императоръ.

Дѣйствительно это былъ римскій императоръ Адрианъ. Его присутствіе здѣсь какъ-бы оживило пустыню; какъ только онъ дошелъ до тростника, изъ него вылетѣли съ крикомъ и свистомъ чибисы и понеслись въ вышину, а изъ за холма возлѣ широкой дороги, которую Адрианъ уже миновалъ, вышли два человѣка въ священныхъ одеждахъ. Оба они были жрецы въ храмѣ бога Ваала.

Этотъ храмъ, небольшое зданіе изъ твердаго и рѣдкостнаго камня, находился близъ моря и еще наканунѣ его посѣтилъ императоръ.

— Не сбился-ли онъ съ дороги? спросилъ по финикійски жрецъ своего товарища.

— Ну это трудно предположить, отвѣчалъ тотъ, вѣдь онъ говорилъ, что даже ночью не собьется съ дороги, по которой хотя разъ проходилъ.

— А самъ смотритъ больше на облака, чѣмъ въ землю.

— Но вѣдь онъ же намъ вчера общалъ...

— Да, но не навѣрное, перебилъ другой.

— Однако я отлично слышалъ, какъ онъ сказалъ уходя: „я вѣроятно еще приду спросить вашего оракула.“

— Вѣроятно!

— Нѣтъ, кажется онъ сказалъ: „непремѣнно приду“.

— Кто знаетъ, какое онъ увидѣлъ знаменіе на небѣ. Онъ направляется къ морю.

— Да, но вѣдь у насъ-же приготовленъ для него обѣдъ.

— Онъ и тамъ найдетъ все, что ему надо. Пойдемъ, какое скверное утро, мнѣ холодно.

— Подожди немного; посмотри-ка!

— Что?

— Его сѣдая голова даже не покрыта!

— Еще никто не видѣлъ, что-бы онъ когда-нибудь странствовалъ съ покрытой головой.

— А его сѣрый плащъ ужъ совсѣмъ не царская одежда.

— За столомъ онъ всегда въ пурпурѣ.

— Знаешь кого онъ мнѣ напоминаетъ походкой и вообще наружностью?